

На лице Се Цяо появилась еще более широкая улыбка, и он направился в ту самую винную лавку, чтобы купить вина. Вернувшись с покупкой, Лу Цзюэ, увидев, что Се Цяо несет в руках, слегка приподнял бровь и усмехнулся:

— Так много, Цяоэр, твоя выносливость к алкоголю...

Се Цяо ответил:

— Моя выносливость к алкоголю хоть и слаба, но брат Хуайюй очень любит вино. Мы договорились напиться вдоволь, так что вина нужно было купить с запасом.

Улыбка на лице Лу Цзюэ не исчезла, и, видя, как Се Цяо выглядит заинтересованным, он кивнул. Если Се Цяо напьется до потери сознания, это не страшно — он может остаться ночевать в доме Лу. Се Цяо уже взрослый, и сегодня ему можно позволить немного расслабиться.

Они вернулись домой, и, как только вошли во двор, Сюй Лай вышел им навстречу. Он уже собирался что-то спросить, но услышал, как его господин произнес:

— Сюй Лай, ты можешь идти отдыхать в мою комнату. Сегодня я с братом Хуайюй решили напиться вдоволь.

Местом для распития вина, естественно, была выбрана комната Лу Цзюэ.

Услышав это, Сюй Лай сразу понял, что больше ничего спрашивать не нужно, и, поклонившись, отправился в комнату Се Цяо. Он, конечно, не собирался спать — если уж они решили напиться, то кто-то должен был позаботиться о господине, если тот потеряет сознание. Се Цяо всегда не любил, чтобы к нему подходили слишком близко, и если он напьется, вряд ли служанки из дома Лу смогут за ним ухаживать.

...

В комнате Лу Цзюэ по-прежнему стоял стол, за которым они с Се Цяо впервые вместе встречали Новый год несколько лет назад. На этот раз на столе не было фонарей, но стояла изящная ваза холодных тонов, в которой красовались две ветки зимоцветы, распустившиеся особенно пышно. Как только Се Цяо сел за стол, холодный аромат цветов заполнил его ноздри. Лу Цзюэ принес с улицы немного сухофруктов, положил их на стол и сел рядом с Се Цяо.

Се Цяо поставил на стол две или три банки вина и несколько закусок, одной рукой поднял нефритовый бокал, а другой под столом начал тереть нефритовый диск на своем поясе. На его лице появилась загадочная улыбка, и он обратился к Лу Цзюэ:

— Брат Хуайюй, давай начнем.

Лу Цзюэ взял бокал, который ему протянул Се Цяо, одним движением выпил его до дна и, улыбнувшись, кивнул в сторону другого бокала на столе:

— Пей.

Се Цяо взял бокал, и, как только выпил его, его бледное лицо слегка покраснело. Он поднял пустой бокал в сторону Лу Цзюэ, улыбка на его лице стала еще шире, и его слегка порозовевшие губы мягко произнесли одно слово:

— Пей.

Ночь становилась все глубже, небо темнело, и полная луна медленно смещалась на запад.

Се Цяо купил три большие банки вина, и теперь они были пусты. В руках Лу Цзюэ, белых как нефрит, был нефритовый бокал, в котором отражался свет свечи — это было последнее вино. На этот раз они выпили много, и Лу Цзюэ, слегка опьянев, на его лице появился редкий румянец, похожий на румяна.

Он посмотрел на Се Цяо, который уже лежал на столе, похоже, без сознания, усмехнулся и одним глотком допил последний бокал.

Когда вино закончилось, пора было отдыхать. Се Цяо сегодня выпил не так много, как он, но все равно немало, и наутро у него, вероятно, будет болеть голова. На следующий день нужно будет поручить кухне приготовить для него похмельный суп.

С такими мыслями он встал, внимательно посмотрел на черты лица Се Цяо при свете свечи и, собравшись действовать, вдруг замер. Если бы это было в детстве Се Цяо, в такой ситуации он, конечно, взял бы его на руки, но теперь Се Цяо явно вырос. Он больше не был тем худеньким девятилетним ребенком, и носить его на руках казалось неуместным.

Он с легкой усмешкой отмахнулся от своей нерешительности. Наклонившись, он положил руку Се Цяо себе на плечо и, поддерживая его тело, поднялся. При таком движении лицо Се Цяо оказалось рядом с его шеей, и горячее, слегка влажное дыхание опьяневшего человека коснулось его кожи, словно пытаясь проникнуть в ноздри.

Он остановился на мгновение, и в его сердце внезапно возникло странное тепло и легкое покалывание, словно его тронула раскаленная серебряная игла.

Он слегка нахмурился, словно размышляя над какой-то неразрешимой загадкой, и на его белом, как нефрит, лице появилось редкое для него выражение юношеского раздражения. Как будто почувствовав что-то, Се Цяо, лежавший в объятиях Лу Цзюэ с закрытыми глазами, на губах которого появилась легкая улыбка, похожая на рябь на воде.

Снаружи подул холодный ветер, принеся с собой свежий аромат зимоцвета, и Лу Цзюэ немного прояснился в мыслях, временно отбросив все запутанные чувства. Он повел Се Цяо в сторону кровати во внутренней комнате.

В комнате не зажигали свет, но лунный свет и тени зимоцвета, проникая через окно, покрывали пол, и в комнате было не совсем темно.

Подойдя к кровати, Лу Цзюэ подложил руку под голову Се Цяо и осторожно уложил его на постель. Се Цяо в пьяном виде казался очень послушным, не сопротивлялся и, казалось, позволял делать с собой все, что угодно. Устроив Се Цяо на кровати, он принес горячей воды, чтобы вымыть ему руки и лицо — он, конечно, всегда был брезгливым, но сейчас делал это только для того, чтобы тому было комфортнее спать.

У него действительно было много странных привычек: он обычно не допускал посторонних в свою комнату, не разрешал служанкам и слугам трогать его вещи, даже убираться, не говоря уже о кровати. Но принимать Се Цяо стало для него естественным. Се Цяо постоянно вторгался в его время и пространство, и он не чувствовал никакого дискомфорта.

Он даже не думал о том, чтобы «отказать» Се Цяо. Но он никогда не задумывался, почему это так — никто не задумывается о причинах своих инстинктов.

Закончив мыть Се Цяо, Лу Цзюэ собрался раздеть его — спать в одежде всегда неудобно, тем более когда человек пьян.

Наклонившись, он только протянул руку к одежде Се Цяо, как вдруг сильная рука неожиданно легла на его кисть. Лу Цзюэ замер и увидел, что глаза Се Цяо внезапно открылись, прямо глядя на него.

Лунный свет проник в его глаза, и Лу Цзюэ, казалось, увидел в них бескрайнюю и бездонную галактику.

«Тук-тук».

Чье-то сердце забилось быстрее.

— Брат Хуайюй.

Голос Се Цяо был ниже, чем обычно, его дыхание пахло вином, и его глаза так пристально смотрели на лицо Лу Цзюэ. Спокойная галактика, отражавшаяся в его глазах, теперь, казалось, бурлила огромными волнами, смешиваясь с его темными зрачками, превращаясь в бездонный водоворот, готовый поглотить кого-то полностью.

Он казался одновременно ужасно трезвым и полностью пьяным.

Лу Цзюэ, казалось, обжегся от этого взгляда, его зрачки сузились, и он собрался встать, но Се Цяо держал его за руку, и при таком движении Се Цяо тоже поднялся.

— Брат Хуайюй.

Се Цяо, держа запястье Лу Цзюэ, медленно наклонился к нему в мерцающем лунном свете. Лу Цзюэ, глядя на такого Се Цяо, чувствовал одновременно новизну и отчуждение. Рука, держащая его запястье, была такой сильной — он никогда не знал, что у Се Цяо теперь такая сила. Он говорил, что Се Цяо вырос, но в глубине души все еще считал его ребенком. Теперь факт того, что «Се Цяо вырос», был так явно представлен перед ним, заставляя его признать — он вырос, и теперь ему больше не нужна забота.

В сердце Лу Цзюэ бушевали тысячи мыслей, и, когда он пришел в себя, лицо Се Цяо уже было перед ним. Тот, держа его за запястье, приблизился к его уху и слегка выдохнул горячий воздух, отчего его тело непроизвольно дрогнуло, словно от удара током. Это чувство было таким чуждым...

Се Цяо, приблизившись к шее Лу Цзюэ, увидел, что тот, кажется, оцепенел от удивления, и слегка усмехнулся. Он протянул руку и ущипнул мочку уха Лу Цзюэ, белую как нефрит, и приблизился еще ближе, словно любясь каким-то сокровищем:

— Брат Хуайюй, у тебя за ухом красная родинка... Красный зимецвет на белом снегу, так прекрасно. Жаль, что ты сам этого не видишь...

Легкомысленные слова Се Цяо и его горячее дыхание проникли в уши Лу Цзюэ, и он широко раскрыл глаза, пытаясь высвободиться — сила Се Цяо была велика, но он не сопротивлялся только потому, что боялся причинить ему боль, а не потому, что действительно был скован.

— Брат Хуайюй...

На лице Се Цяо снова появилось то детское выражение жалости, и Лу Цзюэ, увидев это, замер, и его рука остановилась.

На губах Се Цяо появилась победоносная улыбка. Он одной рукой надавил на затылок Лу Цзюэ, и лицо того приблизилось настолько, что оставалось всего на палец до...

— Брат Хуайюй, почему ты такой мягкосердечный... Это может привести к неприятностям...

С этими словами Се Цяо накрыл его губы своими...